

Глеб Иванович Успенский

Подозреваемые

Бог грехам терпит

Глеб Успенский
Подозреваемые

«Public Domain»

1882

Успенский Г. И.

Подозреваемые / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1882 — (Бог грехам терпит)

«...«Пожить в деревне», «отдохнуть», «очувствоваться мало-мальски» — вот что думал мой приятель, нанимая верхний этаж крестьянского дома в Ямской слободе. Намерения его, как видите, были самые скромные и безобидные; но и такие намерения, как увидим ниже, не всегда и не для всякого осуществимы в наши тяжелые дни. Прежде всего необходимо сказать, что нет такой профессии, которая, будучи перенесена из столицы в деревню, в такой степени смущала бы деревенских жителей, как профессия литературная. ...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

Подозреваемые

I

Прошлой осенью неподалеку от меня, то есть от той деревни, в которой я живу уже довольно давно, нанял себе квартиру в крестьянском доме один мой приятель. Поселился он в деревне и неподалеку от меня потому, во-первых, что оба «мы хлеб добываем литературным трудом»¹², во-вторых, потому, что в Петербурге стало уж очень тяжело и скучно жить, и, наконец, потому, что ощущаемая всеми тяжесть мало-мальски сознательной жизни отразилась на моем приятеле сильнейшим нервным расстройством. «Пожить в деревне», «отдохнуть», «очувствоваться мало-мальски» – вот что думал мой приятель, нанимая верхний этаж крестьянского дома в Ямской слободе. Намерения его, как видите, были самые скромные и безобидные; но и такие намерения, как увидим ниже, не всегда и не для всякого осуществимы в наши тяжелые дни. Прежде всего необходимо сказать, что нет такой профессии, которая, будучи перенесена из столицы в деревню, в такой степени смущала бы деревенских жителей, как профессия литературная. Самый первый, самый существенный вопрос, который подлежит разрешению деревенских жителей при появлении в их среде нового лица, формулируется так: «зачем приехали?» И литератор не может выяснить его не только вполне определенно и точно, но даже и мало-мальски удовлетворительно. «Приехал *так...* жить, отдыхать...» – вот что может ответить он по сущей правде; но такой ответ немедленно должен вызвать другой, еще более затруднительный вопрос, именно: «Отдыхать?.. Стало быть, капитал имеете?..» А так как на это ничего другого не приходится сказать, кроме: «Нет, капиталов не имею», – то это сразу делает его личностью подозрительной. В голове деревенского жителя с двух слов возникает огромное недоразумение: «Отдыхать приехал; а капиталу не имеет – что это за существо и зачем сюда явился?..»

В настоящее время по деревням, особливо прихоссейным и прилегающим к железной дороге, как те, в которых поселились мы с приятелем, стало появляться много небывалых прежде профессий – много людей, не имеющих с крестьянством и земледелием почти никакой связи. Но все эти «новые» деревенские жильцы, все эти пришельцы всегда могут дать на предлагаемые им деревенскими жителями вопросы самые точные и определенные ответы. Один говорит: «приехал насчет телят», другой – «по сенной части», третий просто ответит: «грибы», четвертый скажет: «на станции служу» и т. д. Все это понятно и ясно с первого слова; даже: такой, повидимому, неопределенный и таинственный ответ, как «приехал по своей части», и тот понятен и удовлетворителен для деревенского жителя. Мало ли в самом, деле «делов» и «своих частей»? Может, он хочет «проникнуть» в телячью часть, или в грибную, или в сенную, или, наконец, пронюхивает местечко на железной дороге. За таким человеком нужно только «поглядывать», надо смотреть только *одно*, не сунулся бы он в какую-нибудь из таких частей – сенных, грибных и т. д., которые уже абонированы местными обывателями. Но такой ответ, какой дает литератор, то есть «*приехал отдыхать*» (подумайте: *ехал*, платил за билет... зачем? – отдыхать!), а *капитала* не имею», – это не ответ, а тьма кромешная. Тут не видно той нити, которая дала бы возможность изучить специальность человека, – тут сразу является необходимость смотреть «в оба».

¹ Стих. Н. А. Некрасова «О погоде».

² «О погоде». – Успенский ошибся. Приведенная им цитата заимствована не из стихотворения «О погоде», а из первого стихотворения цикла «Песни о свободном слове» – «Рассыльный» (1865).

– Из господ, что ли? – спрашивают обыватели того из своих собратьев, который первый имел несчастье получить вышеупомянутые неудовлетворительные ответы.

– А шут его знает! Капиталу, говорит, не имею...

– Что ж, на машине, что ли, место получил?

– Нету, какое на машине!..

– Чего ж он здесь?

– Так, вишь. Говорит: «отдыхаю»!

– А капиталу нету?

– Нет, говорит, капиталу.

– Чего ж ему отдыхать без денег?

– А пес их знает!

– Тоже народ... Без денег приехал отдыхать... зимой! Поглядывать бы за ним надоть...

– Нонче, брат, всякого народу довольно. Гляди в оба!

Но неведомый человек хоть и объявил, что капиталу не имеет, а платит за все, что берет. Попробуют запросить вдвое (собственно для пробы) – платит; очевидно, ничего не понимает, а тем паче по телячьей или какой части. Опробовали его по части понимания «вобщем», принесли барсучью шкуру и запросили рубль – дал, хотя шкурке красная цена – сорок копеек. Очевидно, что хоть капиталу нет, а деньжонки есть. Не то чтобы доверие, а так... только некоторое внимание возбуждает этот человек своим «непониманием вобщем» и расплатами. «Покуда платит, нам какое дело? – говорят местные обыватели. – А в случае чего... на то есть начальство».

А все-таки любопытно знать, чем, «какими способами» человек деньги достает, коль скоро настоящего капиталу не имеет. И вот начинаются расспросы издалека – расспросы, которые еще более затемняют неизвестную личность.

– Что я все дивлюсь, как вы долго по ночам... Все огонь!

– Занимаюсь.

– Какие же ваши будут дела?

– Да вот все по части книжек... Бумаги вот разные...

– Что же, в канцелярию какую пишете?

– Нет.

– Стало быть, не служите?

– Нет, не служу.

– Таперича, позвольте сказать, которые вы пишете бумаги или хоть книги, то по казенной они будут надобности или по своей?

– Нет, не по казенной...

– По своей, стало быть?

– Да, по своей.

– Следовательно, так надо почесть, что по судам дела делаете?

– Нет, не по судам.

– И не то чтобы прошения или прочие какие дела по судейской части?

– Нет, не по судейской.

– Стало быть, не по судейской?

– Нет, не по судейской.

– Не насчет каких прочих делов, или что касается, например, которые бывают аблакааты, или по писарской части?

– Нет.

– Нету?

– Нет, не по этой части...

Молчок. Затем:

– Та-ак!

Чтобы понять всю глубину этого маленького словечка – глубину той бездны сомнения и недоверия, в которую повергает вопрошателя вопрошаемый, – потрудитесь соединить в одно все, что этот вопрошатель слышал от неизвестного человека со дня его приезда.

«Приехал *так*, отдыхать... Капиталов не имею... Не по писарской... Не по судейской... Не служу... Не в канцелярии... Ни насчет прочих «делов»...» Итого: первое слово – «отдыхать» и затем бесчисленное множество – «нет». Этого вполне достаточно, чтобы деревенский житель окончательно усомнился во всем, в каждом слове, которое было сказано ему вопрошаемым. «Дурака-то, братец ты мой, из меня не выстроишь», – думает он про себя, а вслух говорит: «Та-ак!» – и чтобы не дать заметить вопрошаемому своего полнейшего к нему недоверия (очень искусно умеют они это делать), ласково прибавляет: «Ну, пока что, до приятного свидания!..»

В конце концов, волей-неволей, а приходится-таки давать подробное объяснение. Идет долгий и продолжительный разговор, начинающийся чуть не с Гутенберга³. Приходится давать самые обстоятельные ответы на тысячи неожиданных вопросов (о том, что такое книга, как она печатается, как делаются буквы, сколько в книге сотен тысяч букв и т. д. и т. д.), и если в конце этих откровеннейших объяснений слушатель поймет, что есть какое-то дело, которого он не знает и о котором не слышал, то еще слава богу. Большею частью и этого результата нельзя добиться. «Что-то не так!» – сидит в голове обывателя, и если он перестает пытаться и «доходить до корня», то единственно потому, что уже решил: «Нам какое дело? На то есть начальство!.. Наше дело – не касайся, а получай, коли есть за что... Какое у него дело – неизвестно; разыскать что доподлинно – уж разыскивали; бормочет бог вещь что – лучше оставить... А деньги точно что получает. Теперь необходимо «опробовать», много ли денег-то получает. Что у него за работа – пес с ним, а денег-то много ли?» И опробывают так: опять несут барсучью шкурку и запрашивают три рубля. «Почему так?» – «Да больно уж глубоко в норы позабегались, каторжные! Доставать-то их оттедова очень много хлопот». – «Как же я купил за рубль?» – «Да теперь цены не те». – «И рубль-то дорого. Все покупают по полтиннику. Вот вчера по полтиннику мужик продавал». – «Какой такой?» – «Уж я не знаю». – «Н-ни знаю... Так не возьмете?» – «Пятьдесят копеек». – «Маловато! Прибавьте». – «Мне он вовсе не нужен, я просто так покупаю...» – «Прибавьте... Ну, за шесть гривен». – «Зачем же ты запросил три рубля?..» Следует великолепная, во все лицо, улыбка – точно солнце в полном блеске, сияет и блестит лицо вопрошателя. «Да нам что больше, то приятнее!» – «Ты что же думаешь, что у меня не деньги, а щепки?» – «Да ведь нам почем же знать?.. Трешной не даете, так и шесть гривен возьмем... для вашего здоровья».

«Нет, – решает после этого следователь-обыватель, – не вполне при деньгах... Деньжонки есть, а не так, чтобы при полном капитале». И дело все-таки оканчивается прежним решением: «Нам что? Мы нешто что? В случае чего... на то есть начальство. А нам какое дело?»

Но, порешив таким образом и, повидимому, успокоившись, обыватели не перестают хранить полное недоверие к личности неизвестного человека, занимающегося неизвестным делом. Дело им неизвестно, но достаточно уж того, что оно – не крестьянское, не кулацкое, не торговое, а барское, господское. От самого последнего мужичонки, от бесприютного нищего, побивающегося под окнами, через всю длинную лестницу крестьянских типов разнообразных степеней благосостояния – через всю лестницу типов, олицетворяющих собою благосостояние кулацкое, вплоть до тузов-кулаков, до тысячников – нигде, никогда ни от одного человека нельзя услышать слов «приехал *отдохнуть*», то есть ничего не делать, как только от барина. Он один никогда ничего не делает – такая уж порода и такое о ней мнение: к тому, чтоб ничего не делать, все они и стремятся; а чтоб «отдохнуть» да ничего не делать – нужен капитал, деньги. Вот эти-то деньги барин и хочет добыть какими бы то ни было каверзными спосо-

³ Гутенберг Иоганн (1400–1468) – изобретатель книгопечатания в Европе.

бами. Это он все мутит и орудует... И поэтому, что бы он там ни толковал, какие, бы узоры ни выводил языком насчет «своих делов», насчет того, что, мол, «книжки печатаю», – все это пустые слова, выверты, прикрывающие уязвленное самолюбие барина, который только и думает, как бы «вернуть на старое»... «Отдыхать приехал!.. Отдыхай, любезный, покуда деньжонки маменькины не перевелись... А только что в случае чего, так ведь у нас и начальство есть. Слава тебе господи, не бессудная земля!»

II

Так решают дело обыватели-крестьяне, люди хотя и не вполне полированные (а полированных людей в наших местах, благодаря близости Петербурга, очень и очень много), но и не лишенные уж некоторой доли политур, как и вообще все здешние крестьяне – в огромном большинстве тип не вполне симпатичный. Но здесь же, в этих же местах, есть уж тип вполне ополитуренный, то есть уж шаромыжник в полном цвету. Скрытая, но непреклонная его ненависть к барину прикрыта многообразнейшими приемами, обнаруживающими, что человек понимает до некоторой степени общее положение дел. Он почти всегда лезет в знакомство с господами и хотя, благодаря этому знакомству, нагревает мужиков, но и барину *всегда* от него приходится плохо. Играет он всегда на старых «барских» струнах: предупредительность, любезность, услужливость, холопство и т. д. Система его – «потрафлять» и тем истощать барина и его карман. Он изучил господский «нрав», как охотник изучает нрав тетерева или барсука, и изучил для того, чтобы продать этого барсука или тетерева на базаре. Такие политурные люди хотя и смотрят на барина в сущности точно так же, как и остальные полуполитурные и совсем неополитуренные крестьяне, но уж понимают, что нельзя так, зря, приходить к нему только за деньгами и брать их, глядя в сторону. Понимают, что барином еще можно попользоваться и другим родом. Они читают в трактирах «листки», знают, что такое «газета», понимают, что можно писать и не служить, не занимать писарской должности... Они знают, что на свете существует печатная, газетная кляуза. И вот к новоприбывшему в деревню, неведомо чем занимающемуся человеку начинает являться политурный кляузник – не за деньгами прямо, а с кляузой, с покорнейшей просьбой «пропечатать». Кляузничество занимает такую огромную область в нравах современной ополитуренной деревни, и область эта до такой степени непривлекательна и смрадна, что говорить об этом подробно невозможно – отвратительно. Скажу только, что современная кляуза группируется в два типа, в кляузу судейскую – открыто *личную* – и кляузу хотя тоже личную, но прикрытую общественным интересом. Кляузник первого типа – большею частью состоятельный мужик, самолюбец и злец; лет пятнадцать сряду он хочет донять какого-то дядю или какую-то тетку, донять на пустяках, за то, что не уважили его в чем-то на медный грош; у него целый мешок бумаг из уездных и земских старых судов: копий, решений, постановлений, кучи документов из окружных судов, судебных палат, правительствующего сената, от нотариусов и т. д. Он просудил уже около тысячи рублей; будучи кругом неправ и зная, что неправ, он все-таки не может, не хочет остановиться, роется своею злостью, как крот, глубже и глубже, зарывается в бумаги и т. д. Это – самодур, и всегда он ищет такого человека, который бы взялся изобрести новую кляузу, прицепиться к чему-нибудь, заварить вновь кашу, чтобы тетка еще на двадцать лет не знала покоя. Он только и хочет, чтобы нашелся «человечек», который бы *непременно кляузу* выдумал, хотя большей частью разговор идет всегда о правде и о том, что не сыскать нынче правды нигде. Но глаза его говорят: «прицепись, замути!»...

Преобладающий кляузник несомненно принадлежит ко второй категории кляузников – кляузников из-за личных расчетов и обид, но непременно во имя общественных интересов и общего блага. Как известно, этот тип «опустошителя своего отечества» до полного совершенства доведен и выработан не в одной только народной среде. Башкирские земли не расхищаются⁴ подобно тому, как – расхищалось имущество во время еврейских беспорядков, а

⁴ Башкирские земли не расхищаются... – Расхищение башкирских земель, поощряемое царским правительством, началось еще в первой половине XIX века и особенно усилилось после реформы 1861 года. Пользуясь поддержкой и помощью правительственных учреждений, многочисленные хищники, среди которых было немало высших сановников, захватывали и с помощью обмана скупали за ничтожные цены леса и земли, принадлежавшие башкирам, обезземеливая население. В. И. Ленин писал о действиях царского правительства в Башкирии: «Это – такой кусочек колониальной политики, который

раздаются на льготных условиях и непременно во имя государственной, даже прямо народной пользы. Искусство представлять расхищение так, что оно представляется делом государственной важности, – это искусство выработано не в крестьянской среде; но крестьянская среда, переродившаяся в кулацкую, поняла, что и ей нельзя пренебрегать этой *модой*. Ввиду этой всеобщей моды клязник, прикрывающий свою акулю пасть общественным интересом и благом, распространен в деревне в огромном количестве.

И вот начинаются визиты этого нового рода клязника. С первых же слов он объявляет, что для него главное дело вовсе «не что-либо из корысти или что...», но единственно только правда: «дорога мне правда», – говорит он и излагает дело и просьбу. Просьба состоит почти всегда в том, чтобы вы, человек мало в деревне известный, мало понимаемый, а главное, уже подозреваемый в чем-то и, следовательно, уже до некоторой степени находящийся во всеобщем сомнении, составили ему ни много, ни мало, как «донос». Он и сам, как оказывается из дальнейших разговоров, уже не раз «подавал» куда следует, но все не выходило, потому что не умеет составить. «Учили-то нас на медные деньги. Так, на словах-то, я все могу, и сказать и все... – с хорошими господами разговаривал; князья даже проезжали – и то мог разговаривать, а вот на бумагу положить – не складно выходит, да и глаза болят, слеза бьет». Так вот этот общественный деятель и желает, чтобы неизвестный человек, который «все пишет», настроил ему поядовитее доносец на священника, на учителя, на станowego, писаря, волостного старшину. Сколько мне ни приходилось слышать просьб о написании таких доносов, в огромном большинстве случаев в глубине побуждений, руководивших доносителей, всегда крылось какое-нибудь своекорыстнейшее побуждение: копейка, грош, денежная выгода, которую враг перехватил, съел раньше доносителя, вырвал у него «из горла». Но не могу утаить также и того, что видал я просителей в этом роде, которые и в самом деле побуждаемы были просто несправедливостью, неправдою, возмущаясь ею без своекорыстных расчетов. Таких, впрочем, очень очень мало, именно капля в океане своекорыстной кляузы. Но вот какое ужасное положение – и эти-то люди, не своекорыстники, а в самом деле негодующие на неправду, приходили всё с тою же просьбой: написать в той или другой форме донос. Донос!.. Вот единственный проторенный путь для выражения всех государственных и общественных стремлений, вот модный, общедоступный, популярный способ, единственный даже для предъявления хороших побуждений. Входить в какие бы то ни было отношения с этими типами деревенских клязников для человека, желающего отдохнуть в деревне, нет ни малейшей возможности и резона. «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» – пословица, весьма подходящая для объяснения того положения, которое должен принять в деревне человек для нее совершенно посторонний. На все жалобы о неправде, какими бы хитросплетенными разглагольствованиями ни прикрывал их деревенский клязник, необходимо отвечать самым резким и решительным отказом. Сразу поймут, что не туда попали, и отстанут. Но есть еще третий род посетителей и просителей, в делах, словах и просьбах которых нет и тени кляузы, а чувствуется в самом деле насущная горькая нужда: это – крестьянин, мирянин, хлопочущий о земельке... Повторяю, в просьбах этого просителя нет кляуз, ехидства или кляузного либерализма, но, увы, входить с ним в разговоры для человека, который из океана столичной муки не хочет попасть в еще более бездоннейший океан мучений деревенских, также нет никакой возможности. Можно, конечно, с ними толковать и разговаривать, и даже не грех жалеть, глубоко сочувствовать, но (такова на Руси участь заправского, настоящего, не кляузного дела!), разговаривая, не нужно забывать, что ответ ваш, после всех расспросов, должен быть один: «ничего не могу сделать!» Этот ответ, по глубокому несчастию, преследует человека русского всякий раз, когда он очутится лицом к лицу с каким-

выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке» (Сочинения, т. 3, стр. 218, примечание). Разграбление башкирских земель вызвало в 70-х – 80-х годах ряд восстаний крестьянского населения Башкирии. Успенский писал о расхищении башкирских земель также в пятом и седьмом очерках данного цикла – см. стр. 389 и 401 настоящего тома и в позднейших очерках – «От Оренбурга до Уфы» и «О Святом ключе» (1889).

нибудь серьезным насущным, всегда простым делом. Едва слышит русский человек, что разговор идет о чем-то справедливом, как уж ему чудится: «нельзя», «лучше и не слушать». Вот именно об этой-то напрасной муке я и говорю, утверждая, что лучше не расстраивать себя, расспрашивая о подробностях простого крестьянского дела. Расспрашивая, вы всегда увидите, как это простое дело огромно и как «ничего невозможно» для него сделать... Когда-нибудь, бог весть когда, что-нибудь делается, а когда – неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.